

Облак

Тулым же тем сроком оделся в розовое: от заката. Не то, чтобы Камень следил за модой: надевал, что свыше дадено, – мода следила за Камнем, ему и вторила: да уже отсебятину. Светозарные закаты погожим, вёдренным вечерком о ту пору чаще давали изукрасы розовые, лиловые, пурпурные и особо гламурные фуксии. Актуальными считались также сиреневые восходы. В авторском исполнении то было сура́зно, к месту, казисто. И лёпо...

Застыв в позе чинной, вальяжной, Рысь Русь ждала своего. Ждала подзором к западу, к закатным пределам, куда и сам Камень оскалил крути́зны: оттуда, с запада, чего доброго редко ждать приходилось – зверомирцам то исстари ведомо: с лихом отведено, с кровушкой испито-про́лито да шкурами учёно...

Не в таком уж далёке там, на западе, злобились подвладычные Карха́дской Унии просторы, в купности своей прозываемые **Западл**.

... то конечно: запад всего-то и есть – часть света, и, как в любой иной – немало ж там имеется всякого... а и доброго, справного!.. но правит западом Западл, тем всё и сказано: не часть уже света: часть тьмы!..

... оттого ли на западе денно в сумерках свет умирает? вестимо, метафора! к тому ж и кривая... однако по делу, не молвлено с ветру...

Так думилось Рыси, и как-то само зарычалось: накатами – глухо, басисто...

... окрест на многие вёрсты живность всякая в ожидании люта скукожилась...

... а мимолётом образовавшаяся близь венцовых булыг мелочь зверюшка, неуспетая узнатьсь, – прянула, метнулась швырком да растворилась в травостое, будто и не было, – так ведь и не было!

... и травостоя здесь тоже не было: откуда ему здесь и взяться – наверху, в гольцовой-то лыси, где лишайники-ягели да мхи одне по куру́мам стелются, к скалам лащаются...

... что-то не́чисть нынче вконец расшалилась: от лап отбилась, чуйку истеряла: в явь зачестила...

Рысь, клацнув для остратки разом всему – и жити и не́жити, сладко зевнула, да потянулась сладко, тем выражая изрядное собою довольство.

Прыжком ниже гранитной плиты, приятной для Рыси, оста́нец венчающей, – под красными мхами спали куру́мы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву: там и гинули. То свалом, то изредкою штукою.

... прицел бы какой той бесцельности – камней безыдейному па́ду!.. вменить координаты обретения смысла... на пробу хотя б: по темечку не́чисти, высокоточным-то каменюкою!..

Так думилось Рыси.

Тем временем за спиной её, невда́ле, некий креативный о́блак по-хозяйски, с комфортом улёгся на гребень Тулыма, да и разбоченился на верхотурах во́лота.

Для такого затейного дела сметливый о́блак покинул рыхлый сутолок себе подобных – подобных, да неподвинутых полуфабрикатов конвективности, вялотекущих высями бесцельно и понуждаемо.

И мнил себя тот облак полным креаклом, возвышенным над замшелой серостью кряжей: закоснелых, застаревших, ещё и твердолобых.

«... Отстой! Тупые ватники! Вцепились в земли свои, вросли, стоят середь болот да чащоб, о свободе не ведают...» – с презрением думал о недвижных Камнях-исполинах ошмёток безродной облачной ваты, бесприютно носимой ветрами...